

ЦЕЛЬ — ВОЗВЫШЕННАЯ И БЛАГОРОДНАЯ

Об ответственности художника перед временем, перед народом, о достойном отображении образа Ленина в произведениях советских писателей говорит в своей статье Михаил Алексеев. Опираясь на богатый опыт советской литературы, писатель размышляет о процессах, происходящих в литературе сегодняшнего дня.

ПРИБЛИЖАЮЩИЙСЯ Ленинский юбилей наложил на нашу работу, работу литераторов, печать особой ответственности перед временем, перед народом, которому служим, да и перед собственной совестью. Естественно, что многие из нас обратились в своем творчестве непосредственно к образу Владимира Ильича. И те, кто подошел к этой великой теме во всеоружии художественных средств, одержали немалые победы, а те, кто не проявил таких непреходящих качеств, потерпели поражение.

Николай Погодин говорил о Ленине как о гигантском пенспировском характере. Понимая это, серьезные писатели перед тем, как вступить за ленинскую тему, тщательно взвешивали свои силы и приступали к ее воплощению с величайшей осторожностью, ответственностью и трепетом душевным. Только так и могла родиться советская Лениниана, которой мы с полным правом гордимся.

Вероятно, не будет слишком уж большим преувеличением, если я скажу, что мы теперь имеем, по существу, художественную летопись жизни Ильича. Это подтверждает даже простое перечисление произведений, вышедших за последние годы. Из книги М. Шагинян «Семья Ульяновых», из кинофильмов З. Воскресенской, И. Донской и М. Донского «Сердце матери» и «Верность матери», из повести А. Рубцова «Детство на Волге» мы узнаем о Ленине — подростке и юноше. Ленин в сибирской ссылке — герой романов А. Коптелова «Большой вачин» и «Возгорится пламя». В повестях М. Прилежаевой «Удивительный год» и «Три недели покоя» рассказано о годах, завершающих ссылку и предшествующих эмиграции. Искровскому периоду жизни Ленина посвящена повесть З. Фазина «Нам идти дальше». О Ленине в годы первой русской революции повествуется в книге З. Воскресенской «Сквозь ледяную мглу». Жизни и работе Ленина во Франции, Польше, Швейцарии, Скандинавии посвящено большое количество произведений. О Ленине — строителе нового государства мы читаем в книгах С. Дангулова, С. Виноградской, В. Тельпугова, С. Алексеева. Последние годы жизни Владимира Ильича посвящены «Третья, патетическая» Н. Погодина и «Вечный источник» Д. Зорина.

Разные писательские имена, несхожие художественные решения, неодинаковый уровень мастерства. Но лучшие из этих работ помечены знаком высокой ответственности перед высокой темой.

НЕЧЕГО скрывать, с приближением Ленинского юбилея были у нас и большие надежды, связанные с неизбежным появлением значительных литературно-художественных полотен, и немалые тревоги в связи с тем, что, привлеченные волной всеобщего внимания к великой теме, к ней обязательно потянутся и руки ремесленника, литературного поденщика. Такому недоставит времени на то, чтобы тщательно отобрать и проверить исторические факты и документы, — он быстро состреляет повесть, роман, очерк и слома голову помчится в издательство или журнал, чтобы оказаться там минутой раньше своих собратьев, которые действуют по такому же образу и подобию. Дальновидные и думающие люди задолго до юбилея обратились к рабочникам печати с горячим призывом — срочно возвести высокую, мощную плетину на пути халтуры, дабы она своим потоком не захлестнула, не потопила истинные ценности. Плотина вроде бы и возведена, но, похоже, дежурство у ее плетней не всегда было круглосуточным: все-таки просочилось через нее и такое, чего никак уж не хотелось бы видеть в праздничном юбилейном венке.

Ленин — величайший

революционер, Ленин — стратег и полководец, Ленин — философ и мыслитель, защитивший и отстаивавший марксизм от сомнищавших ревизионистов всех мастей и рангов, Ленин — создатель партии, возглавивший борьбу с великим множеством отщепенцев от большевизма, Ленин, наконец, — руководитель Октябрьской социалистической революции и первого Советского государства. Этим вошел он в историю и благодарную память поколений.

Но что иной раз видят и живописуют в его биографии некоторые литераторы? То, умиляясь, обливаясь слезами, — и в какой уж раз! — описывают Ленина на елке, среди каких-то засахаренных детишек; под приторно-слащавым пером Ленин является чуть ли не в образе рождественского деда-мороза. То пытаются столь же искусственно «обнародить» вояж. В нескольких рассказах, например, можно прочесть о том, как удивительно ловко и ладно Ленин орудует кошкой. Крестьяне, как уверяет один из авторов, только диву даются. Но «диву даются» не только крестьяне, но и люди, близко знавшие Ленина. В своих воспоминаниях Мария Ильинична Ульянова, как бы предупреждая чье-то бойкое перо, свидетельствует: Ильич никогда не косил, а Надежда Константиновна Крупская говорит еще категоричнее: косить Ленин не умел.

А если бы и умел, то что с того? В этом ли главное? Вся жизнь Ленина без остатка отдана народу, это и составляет суть его народности. Зачем же изобретать несуществующее для доказательства того, чего и доказывать не нужно, настолько это очевидно!

Встречаются, однако, искажения и в более серьезных вещах. Иногда со страниц той или иной книги Ленин предстает как некий либерал или толстовец, склонный прощать зло всем и всякому, в том числе и лютым противникам пролетариата. Не говоря уже о том, что подобная интерпретация образа В. И. Ленина не имеет решительно ничего общего с исторической правдой, концепция эта — дань не без умысла рожденной в определенных кругах легенде о Ленине, эталом христианском всепрощающем интеллигенте. Очевидно, есть настоятельная необходимость напомнить такому авторам, что через два дня после смерти В. И. Ленина ЦК нашей партии писал о нем как о человеке, воплотившем в себе «бесстрашный ум, железную, негибаемую, упорную, все преодолевающую волю, священную ненависть...».

Большая, малая ли фальшь особенно кощунственна, когда речь идет о самом дорогом и святом для нас. «Легкость, с которой мы иногда подходим к показу богатейшего духовного мира Ленина, таит в себе безнравственность», — говорил как-то в писательской среде Григорий Коновалов, и мне остается лишь самым решительным образом согласиться с ним.

К счастью, это понимают многие художники, когда размышляют не только о созданных уже книгах на ленинскую тему, но и о тех, которые когда-нибудь должны быть написаны. Скажем, кстати, что в книгах этих Ленина как действующего лица может и не быть, но они должны быть пронизаны ленинскими идеями, ленинской верой, ленинской правдой, как кровеносными сосудами. От писателей, обратившихся к столь важной теме, мы вправе ждать не только объективного, с партийных позиций, художественного исследования истории становления и развития Советского государства, но и умения связать историю с главнейшим вопросом современности, аналитического извлечения из пережитого народом и партией, из тех фактов, явлений и событий, которые многому учат, многое объясняют и полностью исключают исторический нигилизм.

ВЛАДИМИР Ильич Ленин указывал, что главное в учении Маркса — это выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как создателя социалистического общества. Революцион-

но преобразуя старое и создавая новое общество, пролетариат выражает не только классовые интересы, но и интересы всех трудящихся. Он выступает как руководитель всех сил, борющихся против капитализма, как передовой боец за демократию и социализм.

Вот почему в традициях советской литературы — самое пристальное внимание к рабочему человеку. От горьковской «Матери», от «Цемент» Ф. Гладкова к самым последним книгам советских литераторов — вот вдохновенное развитие этих благородных традиций искусства. Однако следует с немалой толикой горечи сказать, что произведения о рабочем классе, созданные в последнее время (даже если мы возьмем лучшие из них), значительно уступают по своему идейно-художественному уровню книгам, написанным ранее и ставшим советской классикой. В чем тут дело? Где причины столь очевидных потерь на таком важном участке нашего литературного фронта?

В поисках ответа для начала поставим перед собой еще один вопрос: повысилось ли художественное мастерство наших писателей в сравнении, скажем, с уровнем 20-х, 30-х, 40-х и 50-х годов? Не задумываясь, мы дадим положительный ответ. В самые последние годы у нас появились мастера психологически тонкого письма и в прозе, и в поэзии. Мне, правда, в связи с другим поводом, приходилось уже однажды говорить о них на страницах «Литературной газеты». И о тех, кто наловчился закручивать головоломный, прямо-таки улопомрачительный сюжет; и о таком авторе, который тоже наловчился, но только уж по пейзажной линии: так-то расписнет, разрисует трогательными словами восходы и заходы, журчанье ручья и шепот колосьев, соловьиные пенья и бляеные овцы, шалости ветра и благоуханье цветов, что Тургенев и Пришвин могли бы позавидовать; и о таком авторе, которому вовсе наплевать на всякие пейзажи, он смело объявляет их архаичными, чуждыми нашему динамическому веку, и голую, жесткую фразу пытается выдать за признаки высокого искусства, за признаки, стало быть, мастерства.

Есть у нас подлинный мастер художественной детали. Много у нас, повторыю, мастеров психологического художественного портрета. Много. Может быть, даже слишком много... А вот произведений, равных «Тихому Дону», «Поднятой целине», «Разгрому», «Чапаеву», «Как закалялась сталь», «Хожденно по мукам», «Петру I», «Молодой гвардии», «Людам из захолустья», «Танкеру «Дербент», «Сотни», «Цементу», «Журбиним», «Битве в пути», — таких произведений что-то долгойно не появляется.

Мне могут возразить: такие вещи, как «Тихий Дон», рождаются не каждый день, не каждый год, не каждое даже десятилетие. Верно, не каждое. Но верно и другое: названные выше — а сколько их осталось еще не названными! — появились одно за другим за время почти неполных двух десятилетий.

В чем же дело? А не в том ли, что с некоторым пор социальное, гражданское, народное и партийно-классовое начала в нашей литературе, всегда сильно звучавшие, не сколько приглушились, стали выступать не столь страстно и взволнованно, их все чаще стали заменять иные звуки, скорее интимные, камерные, обращенные прежде всего к своему собственному языку, к своему слуху, к своей утонченно-эстетской душе. При этом тона мажорные, естественно, объявлялись лиричными, как бы вне художественного закона.

Теперь-то уж трудно установить, кто из критиков и по какому конкретному произведению о рабочем классе впервые употребил выражение «производственный роман». Находка удивительная по своей емкости и по заключенному в ней уничтожающему смыслу. Ничего не надо доказывать, достаточно

сказать — «производственный роман», и книги вместе с ее автором уже нет, они сражены насмерть. Беды бы никакой не было, а была бы, очевидно, лишь польза, если бы такого рода микрорецензий удавалось действительно слабые вещи, вещи иллюстративные. Но мы сами того не заметили, как формуле этой — «производственный роман» — стали придавать все более расширительный смысл, и она уже вторглась в пределы, куда вход ей должен быть начисто запрещен, — она неизменно присовокуплялась к произведению, где автор показывал своих героев в процессе труда, то есть делал то, что делали до него большие и даже великие художники слова. Но вдруг это стало почему-то немодным, более того — противоречащим высокому искусству, а «честных производственников» начали даже высмеивать в стихах. Между тем красота человеческого духа, как известно, наиболее ярко проявляется именно в труде, в работе.

Слов нет, когда за ревом заводских гудков, за шумом станков мы не слышим голоса рабочего человека и бienia его живого, трепетного сердца, — это плохо. Но еще хуже, когда мы отрываем его от главного, от того, что в конечном счете сделало человека человеком, — от его труда, а начинаем назойливо копаться в его душе, отыскивая в ней всякие «изъянцы» и «ущербности», свидетельствующие о раздвоенности человеческой личности вообще. А так называемые «интеллектуалы» в ряде случаев готовы изобразить рабочий класс силой якобы политически инертной, не способной возвыситься до понимания насущных задач общества в целом, хотя подобные «концепции» в корне противоречат марксизму-ленинизму и всей практике мирового революционного движения. Противопоставлять же нашу интеллигентную рабочему классу вообще глупо, поскольку она у нас, интеллигентия, всеми корнями связана с рабочим классом, с колхозным крестьянством.

КСТАТИ, о самих этих терминах «интеллектуал», «интеллектуальная литература». Что это означает? По простоте душевной мы полагаем, что книги — во всяком случае хорошие книги — пишут интеллигентные люди, и проза, поэзия, драматургия, вышедшие из-под их пера, непременно должны быть интеллектуальными, ибо явились на свет как законные детища духовной жизни их творцов. Нет же! Есть, оказывается, интеллигентность, а есть и неинтеллигентность. И когда некоторые наши собратья спохватились, разобрались, что к чему, то оказалось: за безобидным внешне термином «интеллектуальный» часто скрыт далеко не безобидный смысл. И даже, если хотите, не совсем интеллигентный, поскольку здесь имеется в виду без достаточных оснований еще при жизни вознести на пьедестал одних и отнести в разряд посредственности других. Во всяком случае под пером некоторых теоретиков от литературы он, этот термин, обрел оценочное значение с неумолимой цифрой «5» по пятибалльной системе да еще со знаком плюс. А как же иначе! Речь ведь идет об интеллектуальной, мыслящей литературе. И тут не уточняется, как, о чем и, главное, за что ратует эта мыслящая литература. Это уж дело десятое. Важно — мыслящая...

Правы те товарищи, которые уразумели, наконец, что понятие «интеллектуализм» (хотели того или нет люди, его породившие), по сути, размывает все социальные горизонты и пристрастия,вольно или невольно смыкается с пропагандой внесоциальности, аполитичности искусства. Вот почему мы обязаны сохранять высокую бдительность к подобным «теориям».

Литературный процесс — явление сложного порядка. Приветствуя и поддерживая все здоровое в

нем, мы не вправе занимать позицию сторонних наблюдателей относительно явлений, которые у нас вызывают тревогу и озабоченность. Это особенно необходимо перед лицом вызова, который делают нам наши идеологические противники. Утратив надежду на сокрушение нас силой оружия, они быстро перестроили свои ряды: наращивая военный потенциал, они вместе с тем делают немалую ставку на диверсию словом.

Это особенно ясно осознаешь и видишь, когда сам побываешь за рубежом — в капиталистических странах. Во время недавней поездки по Соединенным Штатам Америки мы видели, как плотно насыщена эта страна антисоветскими изданиями. В Лос-Анджелесе, например, некто Урбан, назвавшийся профессором одного из калифорнийских университетов, специалистом по восточноевропейским делам, не без бахвальства рассказывал нам о том, что установил и поддерживает постоянную связь с так называемым «самоиздатом» в социалистических странах и выпускает, в частности, в больших количествах подпольную антисоветскую литературу. Какая доля правды в этом признании, сказать трудно. Что же до пасквильных сочинений Солженицына, нелегально отравленных за границу, то книжный рынок Америки ими наводнен. Больше того: во многих американских высших учебных заведениях проводятся по этим сочинениям специальные курсы и семинары. Когда все это видишь, то особенно ясно понимаешь, сколь своевременно и, главное, справедлива акция советских писателей, оставшихся Солженицына вне своих рядов.

Не знаю, как в прежние годы, но сейчас в Соединенных Штатах не выйдет на свет, не будет переведено на английский язык ни одна книга советского автора, если из нее нельзя извлечь хотя бы малую каплю очернительского материала. Истинные художественные ценности не в счет.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ наши противники очень щепетильны в вопросах идеологических.

К шести большинства советских писателей надо сказать, что они хорошо разбираются в этом и стали нетерпимее к идейной несобранности и расхлябанности в своих рядах.

В этой связи мне хотелось бы сказать несколько добрых слов в адрес Московской писательской организации. В последнее время она значительно усилила воспитательную работу среди литераторов. Линия взята не просто на консолидацию, а на идейное сплочение. Сами писатели все острее и отчетливее начинают понимать, что подуступительство идет во вред не только всему нашему делу, но и тем, с кем мы чрезмерно возмис и кого бесконечно уговариваем уметь. Писатели многому научились и извлекли полезный для себя урок из событий последних лет, и прежде всего активизировались сами, дисциплинировали свои ряды, самих себя, а это обещает немалые успехи в будущем.

Любопытно отметить, что первым откликом буржуазных радиокомментаторов на Тезисы ЦК КПСС к Ленинскому юбилею была их мрачная констатация того факта, что СССР, мол, не собирается менять принятого при жизни Ленина курса.

Что сказать им на это? Видимо, недругам нашим трудно или не хочется согласиться с тем бесспорным фактом, что для советских людей нет ничего более возвышенного и благородного, чем следовать Ленину, самоотверженно бороться за дело, которому он посвятил свою жизнь. Видимо, не понять им и нас, советских литераторов, ставших однажды вместе с партией и народом на ленинский курс для того, чтобы никогда, ни при каких превратностях судьбы, ни при каких — пускай самых тяжких — испытаниях с него не сойти!